

“...Меня соединяла с В.И. Далем с лишком 50-летняя дружба...”*

ИННА ЗУБОВА

Каждый раз перечитывая воспоминания Екатерины Владимировны Даль об ее напечатанные в 1879 г. в журнале “Русский вестник”, и зная о том, как они плохо приняты в свое время, не лишним будет ближе познакомиться с мемуаристкой Д.И. Завалишиной.

Каждого, кто интересовался деятельностью декабристов, эта фамилия прежде всего вызывает воспоминания о предателе Ипполите Завалишине, которого, впрочем, доносы не спасли от ссылки. Старшим же братом его, Дмитрием, говорится о нем как о человеке порядочном, но не особенно симпатичном, желчном и мрачном. Как и многие его товарищи, он оставил “Записки” о своей жизни. Откроем биографический справочник “Декабристы”, выпущенный издательством “Наука” в 1988 г. Здесь довольно много сведений о Дмитрии, а доносчику Ипполиту по “заслугам” его отведено лишь две строки.

Д.И. Завалишин родился в 1804 г. в Астрахани, семье генерал-майора, шефа астраханского гарнизонного полка, впоследствии генерал-инспектора путей сообщения Иринарха Ивановича Завалишина. Дети рано потеряли мать, и в 1816 г. Дмитрий определился в Петербургский Морской кадетский корпус, тот самый, куда двумя годами ранее поступили В.И. Даль и его брат Карл. В 1819 г., то есть одновременно с Далем, Завалишин был выведен из корпуса мичманом, а вскоре определен на должность преподавателя. Проработав в родном учебном заведении более двух лет, он отправился в экспедицию на корабле “Крейсер” под командованием М.П. Лаврова в кругосветное плавание, откуда вернулся в 1824 г. После этого служил “при берегу” в Балтийском флоте. 12 февраля 1824 г. был произведен в лейтенанты.

4 декабря 1825 г. он находился в отпуске в Омске, где и был арестован 30 декабря. Историки до сих пор спорят о том, состоял ли Завалишин официально в Северном обществе декабристов. Известно, что он сам пытался создать организацию под названием “Орден восстановления”, написал устав этого общества и принял в него некое количество человек. В 1822 г. в письме поделился идеями с Александром I, который “за несколько дней до своей неожиданной смерти передал Завалишину, что считает эти идеи “неудобоисполнимыми”. Это, вероятно, и заставило следственную комиссию по делу декабристов причислить лейтенанта к государственным преступникам первого разряда, приговоренным первоначально к вечной каторге. Осенью 1826 г. Завалишина отправили из Иркутска в Красноярскую крепость в Сибирь, в Читинский острог. Через три года он был переведен в Петербургский завод. В 1832 г. срок его каторги сократили до 15, а в 1835 — до 13 лет. По окончании срока его перевели на поселение в Читу. После амнистии 1856 г. он остался в Сибири, где постоянно разоблачал злоупотребления местной администрации, активно выступал в печати, публикуясь и в различных журналах. В 1863 г. его выслали из Читы в ссылку, но вскоре последовало Высочайшее разрешение жить в Москве. Здесь Завалишин провел последние 30 лет. Шестидесяти семи лет от роду вторично женился (первая его жена умерла в 1847 г.) и имел во втором браке шестерых детей.

В Москве Завалишин встретился и восстановил дружеские отношения с товарищем юности В.И. Далем. В свое время они особенно сдружились во время учебного плавания к берегам Швеции и Дании. Даль, как известно, умер в сентябре 1872 г. Завалишин пережил его на двадцать лет, причем, как видно, все эти годы жил активной творческой жизнью. Об этом можно судить по статьям на различные темы, с которыми он продолжал выступать в печати.

В 1872 г., например, в газете “Московские ведомости” появилась его статья “Заметки по поводу некролога В.И. Даля”. В июне 1873 г. в журнале “Русский вестник” были напечатаны “Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 гг.”. Но особенно интересна в связи с образом жизни Завалишина статья “Некоторые обстоятельства жизни Владимира Ивановича Даля (по повествованию В.И. Даля)” (по воспоминаниям его дочери Екатерины Даль, была, вероятно, написана сразу после их выхода в свет. О том, насколько правдивым, можно судить даже по количеству его строк).

Эта статья не заслуживала бы не только разбора, но даже и упоминания, если бы г-жа Даль не вздумала в своих смутных воспоминаниях и даже свои собственные измышления прикрывать уважаемым именем

и авторитетом своего отца, навязывая ему сообщение таких ложных фактов, каких он никогда не мог сделать, и такое невежество, какого он никогда не мог обнаружить, даже при ослаблении памяти (вследствие болезненного состояния в последнее время), относительно иных вещей и событий”.

Право судить об этом Завалишину дает “с лишком 50-летняя дружба, не изменившаяся ни от времени, ни от превратностей жизни и устоявшаяся до самой его (В.И. Даля. — И.З.) кончины”. Насколько же справедлив был столь убийственный отзыв?

Завалишин перечисляет допущенные Екатериной Владимировной ошибки, и надо заметить, что кое-какие из них перекочевали и перекочевывают в книги и статьи о Далем до сих пор, хотя авторы этих работ и не забыли вслед за Завалишиным покритиковать Екатерину Даль.

“Познания г-жи Даль по русской географии, — пишет безжалостный рецензент, — таковы, что город Белев приходится у ней в Тверской губернии...”

“А вот образец познаний г-жи Даль по русской истории, — продолжает Завалишин — ...” Он (отец) был свидетелем, как брали приступом Шумлу (тогда как главным действующим Дибича именно то и считалось, что он перешел Балканы, обойдя Шумлу)... У ней Дибич берет и Варшаву...”

У ней курьер в 1812 году кричал на всем скаку содержание привезенных им депеш, тогда как всякий, кто помнит еще 1812 год, знает, что было совершенно противное... ни курьер, ни почтальон, ни даже частный проезжий до сообщения начальству не смел рассказывать и самым близким людям даже того, что и сам видел. Всякое сообщение народу делалось главным начальником во всяком месте. Хороши депеши, содержание которых знали бы курьеры!”

Этой гневной тирадой Завалишин уничтожает одно из самых красивых мест в воспоминаниях Е. Даль — то, где она рассказывает, как дед Иван Матвеевич в Николаеве посылал старшего сына на базар “слушать вести” и как одиннадцатилетний тогда Владимир услышал якобы от курьера о сдаче Москвы французам. Да, преподаватель кадетского корпуса, отставной лейтенант флота, известный публицист, видимо, в самом деле лучше знал историю и географию России, чем получившая домашнее образование барышня.

“Даже относительно самых близких своих родных она все перепутывает”, — возмущается Дмитрий Иринархович. Приходится признать, что и здесь он прав. “Госпожа Даль” утверждала, будто ее дядя Карл участвовал вместе с братом в походе гардемаринов к берегам Швеции и Дании, а также будто братья вместе закончили обучение и приехали в Николаев. Завалишин отлично помнил, что Карл Даль не был в этом плавании и что он был выпущен из корпуса годом позже брата. Здесь, конечно, следует учесть, что все дядюшки Екатерины Владимировны умерли задолго до ее рождения, и вряд ли можно требовать от нее большой точности в том, что касается их. Но ведь она ошиблась даже в дате рождения своего отца, назвав 1802, а не 1801 год. Сообщив, что родился он на Луганских заводах, наивно добавила: “Зачем туда деды мои ездили, я не знаю”. А ведь Даль, диктуя детям свою биографию, упомянул, что в Лугань Иван Матвеевич был переведен по службе, а не просто зачем-то съездил туда с семьей. Память дочери лучше всего сохранила наиболее эмоциональные рассказы отца. Она сумела пересказать его воспоминания достаточно живо и увлекательно, однако невольно привнесла в них собственное, не всегда верное понимание многого, о чем услышала. Ее весьма субъективное изложение сведений о Морском корпусе более всего возмутило Завалишина. Как и Даль, он пережил в детстве все тяготы воспитания в закрытом учебном заведении, как и Даль, он видел все недостатки этого воспитания, но, в отличие от Даля, свой кадетский корпус он рассматривал не только с точки зрения воспитанника, но и с позиций преподавателя.

Еще будучи учащимся выпускного гардемариновского класса Завалишин начал преподавать своим товарищам астрономию и высшую математику, помогая заблуждавшему учителю. Через год после выпуска он был по рекомендации астронома Шуберта определен в корпус кадетским офицером и преподавателем. Это назначение не обрадовало юношу, мечтавшего о дальних плаваниях.

Д.И. Завалишин на допросе. Рисунок А. Ивановского, 1826.

Однако отец в письме объяснил ему, что приглашение такого молодого человека на такую ответственную работу, как воспитание и обучение солдат, — великая честь, от которой ни в каком случае не следует отказываться.

В своих статьях Завалишин рассказывает, как он, работая в корпусе, отстаивал свои педагогические взгляды, как приходилось ему и спорить со старшими коллегами, но как при этом он не раз убеждал их в своей правоте. По его мнению, ругая порядки в корпусе, Даль был во многом прав, но, вспоминая их только с позиций бывшего воспитанника, несколько преувеличил плохое, забыл хорошее, а многих деталей, известных впоследствии Завалишину как преподавателю, просто не знал. Кроме того, возможно, что дочь несколько преувеличила ненависть отца к кадетскому корпусу. Ведь когда человек что-то в своем прошлом очень не любит, то старается пореже вспоминать этот период своей жизни, а Даль и Завалишин постоянно напоминали друг другу различные эпизоды общего кадетского отрочества и гардемариновской юности!

По мнению Дмитрия Иринарховича, “г-жа Даль” придает этим эпизодам весьма искаженный смысл. Так, невинные шутки кадет в ее изложении превращаются в довольно гадкие издевательства над товарищами и преподавателями. При этом Екатерина Владимировна даже не замечает, что высказывает отца в каком-то нехорошем свете. Она преувеличивает тупость, несправедливость и жестокость педагогов и сгущает краски, рисуя плачевное положение воспитанников.

“Даль, — пишет Завалишин, — имел сильную наклонность к насмешкам, которая отразилась и в его литературных произведениях, и которую он сохранил до конца жизни и в изустной беседе, в рассказах. Он “задира”, как выражались, многих и часто; и понятно, что это не могло нравиться и его товарищам, а тем более тем воспитанникам, которые были старше его; отсюда в корпусе пришлось ему испытать много неприятностей и было на него много жалоб, что очень легко могло подвести его и под зыскание, если бы начальство в корпусе было таково, каким хочет представить его госпожа Даль”.

Что же касается студенческого периода в Дерпте, то, по мнению Завалишина, никак нельзя противопоставлять это счастливое время “несчастному” времени в кадетском корпусе, как это получилось в воспоминаниях дочери В.И. Даля. Нельзя сравнивать ощущения мальчика, тоскующего по дому в закрытом военном учебном заведении, с впечатлениями взрослого человека, закаленного семилетней службой на флоте и ведущего свободную жизнь студента университета.

Кстати, Завалишин резко протестует против утверждения Екатерины Владимировны, будто за казенное обучение в корпусе требовалось отдать морской службе семь лет. Он утверждает, что все кадеты обучались за казенный счет и каждый имел право уйти на гражданскую службу даже сразу после выпуска.

Описание в мемуарах эпизодов жизни Даля в Дерпте также глубоко возмущают его, при этом иногда он, несомненно, прав. Например, о своем выпускном экзамене и защите диссертации в университете Владимир Иванович, видимо, рассказывал домашним с свойственным ему юмором, явно преувеличивая смешную сторону события. Дочь, которая, скорее всего, имела весьма туманное представление о научной работе, поняла его рассказ буквально, восприняв только эту смешную сторону. В результате весь эпизод выглядит у нее весьма странно. Собрались добрые знакомые, подумавшие, пошутили и... объявили студента доктором медицины. А ведь на самом деле Даль к окончанию университета подготовил две серьезные научные работы — по общей медицине и по хирургии, и профессора Мойер и Розенбергер решили, что ему можно досрочно присвоить степень отнюдь не из-за своих дружеских отношений с ним, как может показаться читателю.

Вот таких невольных искажений образа Даля, человека, которого по-настоящему любил и уважал, не может Завалишин простить автору мемуаров. Его статья заканчивается предостережением “будущего биографа Даля”, призывом не считать воспоминания Е. Даль надежным источником. Приходится признать, что он до известной степени прав. Однако нужно учесть и другое. Воспоминания, подобные этим мемуарам, ценны тем, что хранят живой образ человека, нарисованный его близкими. И эта ценность возрастает с годами, несмотря на досадные фактические неточности, допущенные в тех деталях, которые в свое время были неинтересны автору воспоминаний или неправильно поняты им.

* Работа ведется при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ) РАН.

(Окончание, нач на 4 стр.)

Сто лет назад

Подготовила ЕЛИЗАВЕТА ВЕРТОВОСОВА

16-22 июня 1901 года (3-9 июня ст.ст.) “Оренбургская газета” писала:

Караванный путь. Караванное движение грузов на верблюдах в степь и обратно доживает последние годы, так как с проведением Оренбургско-Ташкентской железной дороги верблюдья тяга через Оренбург в Ташкент, Бухару и Хиву должна волей-неволей кончиться, и киргизы-возчики останутся без дела. Постройку дороги предполагается, как мы слышали, окончить в четыре года. Тогда наш город наполовину утратит свой азиатский характер, и мы уже не увидим на наших улицах целых верениц верблюдов, навьюченных хлопком и другими товарами.

Грубое обращение. В инструкции, выработанной Городскою думою для своих базарных смотрителей, между прочим, говорится о том, чтобы эти смотрители внушали торговцам на Конно-Сенной площади иметь должное уважение к публике. И действительно нам неоднократно приходилось высказывать жалобы покупателям на чрезвычайно грубое обращение с ними торговцев и торговки, продающих разные жизненные продукты на этой площади. В особенности это бывает в том случае, если кто-либо, осмотрев их товар и найдя его для себя дорогим или почему-либо не подходящим, ничего не покупает и отойдет прочь. Тут ему вслед полетят из уст продавцов такие крылатые словечки, что хоть впору заткнуть уши и бежать без оглядки не только женщине, но даже и мужчине. Очевидно, что внушение базарных смотрителей о том, чтобы наши торговцы имели должное уважение к публике, не достигает своих целей.

Замощение Гришковской улицы. В настоящее время производится замощение Гришковской улицы, начатое еще в прошлом году, улица эта широкая, бойкая, отличающаяся большим движением по ней обозов с разным товаром, преимущественно с хлебом в зерне, следующим из-за Урала частью на хлебно-соляной базар, частью на паровые мукомольные мельницы и просорушки, а частью и на вокзал железной дороги для экспорта. Замощение производится крепким каргалинским камнем, разбиваемым на мелкие части, которые ставятся ребром, близко друг к другу, а потом посыпаются песком и галькой. Работают над сооружением этой мостовой человек 6-7 мужчин и около 10 женщин-поденщиц. Ввиду важности этой улицы в торгово-промышленном отношении желательно бы иметь здесь мостовую попрочнее и поглаже, без выбоин.

Частные водопроводные ветки. На основании журнальных постановлений Городской думы на 29 июля 1893 года и 23 августа 1894 года за пользование водою из водопровода особыми ветвями, проведенными в частные дома, взыскивается с домовладельцев плата по 80 коп. с каждой тысячи ведер воды. Для производства более или менее правильного расчета потребления воды Городскою думою назначено на каждого человека по 3 ведра в сутки или 1160 ведер в год. Переводя это на деньги, мы получим плату за пользование водою из городского водопровода по 93 коп. в год с каждого человека, проживающего в доме, где имеется частная водопроводная ветвь.

Погода в Оренбурге с 4 по 17 июня 1901 года по Демчинскому. Самыми теплыми днями в этот период времени, по мнению г. Демчинского, будут 4, 5, 6 июня. Затем температура понижается до 9 июня. Этот день будет довольно холодный, потом она повысится несколько, а с 15 опять пойдет на понижение. Барометр покажет довольно высокое давление только 3 и 4 июня; а 5 он станет падать, а с 7 до конца указанного периода будет иметь ничтожное колебание. С понижением барометра начнутся ветры с переменной силой и направлением. Очень сильный ветер будет 12-14 июня. Дождей г. Демчинский мало обещает Оренбургу, в этот период времени небольшие дожди могут быть 5, 11, 12 июня; таким образом, общая характеристика погоды для Оренбурга с 3 по 17 июня такова: прохладная, ветреная и сухая.

Пожар. Около 7 часов вечера на скотопрогонном дворе ст. “Оренбург” Самаро-Златоустовской ж/д дороги загорелся товарный вагон, нагруженный быками, предназначенный для отправки с поездом № 103, отходящим в 8 часов 39 минут вечера. В вагон уже поставлены были быки и нагружено сено. Вероятно, один из грузчиков обронил в сено тлевшую спичку. Огонь распространился скоро. От пожара сгорели три быка, а четвертый обгорел и был долго жив. Кроме этого вагона сгорел еще один вагон III класса. Кроме городских пожарных труб в тушении пожара участвовал паровоз № 106.